

Екатерина Петрова

Гувернантка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Петрова

Гувернантка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62984898

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-03460-0

Аннотация

Куда податься офисному работнику, потерявшему работу? Татьяна решила стать гувернанткой, и все складывается – лучше не придумаешь: высокооплачиваемая работа, послушные дети, полное доверие со стороны работодателя Сергея Александровича. Но что-то не так в его доме и окружении.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

68

Екатерина Петрова

Гувернантка

Только во время учебы в ВУЗе, когда мне было лет восемнадцать, я поняла, что помню себя лет с десяти, а что было до этого неизвестно и никогда меня это особо не беспокоило, никогда я об этом не задумывалась. Но после школы я поступила в педагогический институт, собиралась стать учителем начальных классов и когда я начала учиться, общаться с однокурсниками, пришлось задуматься о том, почему я ничего не помню. Я никому об этом не рассказывала и очень боялась, что окружающие об этом могут догадаться, поэтому тщательно избегала детских тем. Я поняла, что мне не хочется копаться в прошлом. Не хотелось знать, почему самое первое мое воспоминание о том, как мы с тетей трясемся в конце желтого автобуса. Нас подбрасывает на жестких сиденьях вверх, и тетя недовольно морщится и бормочет: «Куда спешит этот водитель? На свою погибель я приехала сюда.» Самое вероятное, что может быть причиной отсутствия воспоминаний, до этой поездки на желтом автобусе, ничего хорошего со мной не происходило. Так зачем в этом копаться?

После окончания педагогического института я не работала по специальности, а устроилась менеджером в банк. Тетя, которая рекомендовала мне искать работу в банке, страшно за меня радовалась. Но мне было очень тяжело. Я не

сидела за компьютером, защищенная от посетителей пластиковой перегородкой, а с планшетом и ручкой шла им навстречу, чтобы проконсультировать по поводу получения кредита или помочь с другим вопросом. Каждое утро я настраивала себя: дергала то за одну, то за другую ниточку, приводя себя в состояние вынужденного дружелюбия и общительности, хотя и в тот день, и в любой другой мне меньше всего хотелось с кем-либо говорить. Особенно было тяжело в будни к вечеру, людей становилось больше, их голоса сливались в монотонный гул, изредка сбиваемый телефонным звонком, стуком каблучков и пиканьем банкомата, если кто-то забывал вытащить карту. Я очень боялась сделать что-то не так или недоговорить и от этого мои объяснения были длинными, вызывающими скуку, а не желание купить продукт. Очень часто клиенты говорили мне: «Что за бестолочь позовите уже кого-нибудь кто в этом действительно разбирается!».

Любой человек на моем месте расстроился от того, что именно ему предложили написать заявление об уходе, когда в связи с кризисом решили сократить штат, а я почувствовала себя свободной, мысль о том, что я все-таки вернусь к работе с детьми, бесконечно радовала. Я скрыла свое увольнение от тети, не хотела ее расстраивать. Ей казалось, что быть учителем в школе унизительно, а ходить по залу с планшетом в корпоративной форме – престижно и перспективно. Но я, за эти два года разочаровалась в слове «карьера», а в

мыслях часто представляла, как рву сшитую на меня форму. Мне больше нравилось ранним утром сидеть у окна и смотреть как медленно оживают соседние дома, читать длинные романы, сидя в парке и вечером пить чай. Для всех этих радостей мне не нужен ни деловой костюм, ни место начальника, ни ...такая работа. Если бы не боязнь огорчить, единственного близкого мне человека, я бы ушла давно.

Отдав обходной лист, я получила остатки заработной платы и компенсацию за неиспользованный отпуск. Этих денег и моих собственных сбережений, было немного, но и потребности у меня были небольшие. Однако за поиск работы я принялась немедленно, тетья Рита всегда пренебрежительно отзывалась о людях, которые ищут себя, долгое время не имеют постоянной работы, мне не хотелось, чтобы она плохо думала и обо мне. Моя специальность психолого-педагогическое образование. И, прежде чем искать работу преподавателя, я решила посмотреть вакансии, на которые могли бы взять с таким дипломом. Я поняла, что не представляю, как сказать тете, что хочу стать учителем. Поэтому в первую очередь, проклиная себя за слабость, я потратила некоторое время, просматривая требования к кандидатам в сферах деятельности, связанных с психологией. Я подумала, что это все-таки то, чему я училась, и лучше, чем работа в банке. Но в требованиях к подходящим для меня вакансиях писали о необходимости опыта работы, а его у меня не было. Поэтому, мысленно представив, как я объясняю тете Рите, что ниче-

го не остается, как стать учителем, я все-таки составила резюме, ответив на обязательные вопросы на одном из сайтов. Я решила, что тете Рите понравится, если я работаю в особенной, частной школе. И через пару дней, когда я в очередной раз примеривала на себе те или иные обязанности, изучая новые вакансии, раздался телефонный звонок. Девушка представилась сотрудником кадрового агентства, спросила: есть ли у меня опыт работы с детьми и задала еще раз все те вопросы, на которые я уже подробно ответила в резюме. Рассказывать о своем предложении она почему-то не стала.

На следующий день я уже ехала на Проспект Мира в офис этого агентства, где мне назначили встречу. Ехать ужасно не хотелось, но я подумала, что поскольку сама не могу ни на что решиться, возможно это собеседование даст мне необходимый толчок.

– Очень рада, что Вы так быстро согласились приехать, – улыбнулась она, занимая место напротив. – Легко нас нашли?

Я сказала, что почти сразу, а сама подумала, что эти слова она говорит каждому кандидату, такая форма вежливости, и у меня это вызвало раздражение также как и ее внешний вид. Она была в строгом костюме, неяркий макияж, гладко причесанные волосы, короткие ногти, покрытые прозрачным лаком, туфли на невысоком каблуке. Я была убеждена, что это требования дресс-кода, потому что все, кого я увидела в офисе, пока шла с этой девушкой в переговорную, вы-

глядели примерно также. Дежурные фразы, которые она легко произносит, требования к одежде, которые ей идут. Почему, такие как она могут соблюдать все эти требования, а я нет?

Мы обсуждали мое резюме.

– Своих детей у Вас нет... – девушка сделала паузу. – Младшие братья, сестры?

Так как я искала работу с детьми, то понимала, что нужно подтвердить свой опыт такой работы, поэтому я подробно рассказала о моих племянниках – детях моего двоюродного брата.

Девушка сделала в блокноте несколько пометок и задала следующий вопрос:

– Почему Вы не искали работу по специальности? Вы закончили пединститут, вероятно, готовились к работе в школе, – девушка подвела карандаш к пустой строчке и стала ждать, что я скажу.

– Когда я стала искать работу, на глаза попало объявление о наборе специалистов в банк. Работа рядом с домом, хороший оклад. Я не думала, что дорожу, приобретенной специальностью, и совершила ошибку.

Этот ответ я заготовила заранее, не рассказывать же о тете Рите и ее амбициях в отношении меня...

После каждого ответа девушка делала очередные пометки.

Задав еще три или четыре вопроса, в том числе о том, ка-

кого возраста дети подошли бы мне в качестве воспитанников, и смогла бы я оказать первую медицинскую помощь, она рассказала мне о том месте работы, которое она имела ввиду, приглашая меня на собеседование.

– Двое детей младшего школьного возраста. Живут с отцом, несколько месяцев назад их мать умерла. Дети замкнутые, занимаются с преподавателем дома. В ваши обязанности будет входить следить за их всесторонним развитием, досуг, прогулки на свежем воздухе, учеба. Вы будете покупать им одежду, следить за их здоровьем и при необходимости посещать врача. Собственно, отец детей хотел бы, чтобы гувернантка взяла все обязанности по уходу за детьми и проводила бы с ними каждый день. Он подолгу не бывает дома и ищет человека, которому мог бы доверить заботу о детях полностью, двадцать четыре часа в сутки. Самое главное требование, которое в вашем случае не должно быть обременительным – жить с детьми за городом. Семья, о которой я говорю, живет в подмосковной деревне, очень уединенно. В выходные, раз в месяц Вы сможете съездить домой, проводить близких. Вы впервые нанимаетесь на подобную работу и возможно не совсем в курсе среднего заработка, который можно получить, работая с детьми, поэтому поверьте мне, как специалисту, заработная плата, которую вы будете получать выше средней.

Девушка замолчала, и некоторое время смотрела в блокнот. Вероятно, в этот момент она ждала от меня какой-то ре-

акции, но я молчала – я готова была уже ехать в эту деревню, готовить детям обеды и водить их к врачу, мне очень понравилась эта вакансия, но другая моя разумная половина шептала «что-то здесь не так, так не бывает».

Девушка, неправильно истолковав мою задумчивость, вздохнула.

– Женщины с опытом отказываются сразу, – сказала она. – Поэтому я вас и пригласила. Отец детей поставил строгое условие – только молодая женщина, русская – это он особенно выделил. С высшим образованием и еще было пожелание – «поменьше родственников». Человек, обременённый семьей, вряд ли согласится покинуть свой дом на длительный срок и полностью отдаться работе. Вы, наверное, знаете, что по этой причине еще в начале двадцатого века в школе работали только незамужние женщины. А стоило выйти замуж, преподавать женщина уже не могла. Давайте я вам организую встречу с работодателем. Если вы ему подойдете, попробуем подиктовать условия. Настоим на большем количестве выходных, в договор включим страховку, придумаем вам приятные бонусы. А там, посмотрите сами.

Я согласилась, а фразу «поменьше родственников» пропустила мимо ушей.

Выйдя из офиса, я начала думать, что сказать тете? Оглушить ее новостью, что я буду работать ..., кем? служанкой? Нет, это абсолютно невозможно, и я решила сказать так: мне надо получить экономическое образование, а второе выс-

шее стоит денег. Вариант с переездом в Подмоскowie самый удачный. Я буду сдавать квартиру в Москве и зарабатывать не меньше, чем, работая рядовым специалистом в банке. Опишу тете, как на заработанные деньги поступлю в какую-нибудь финансовую академию. Мне действительно хотелось получить дополнительное образование. Конечно, тот факт, что я работаю прислужкой, тетя не одобрит, но, узнав о моей цели – заработать денег на учебу, она не должна сильно переживать. Конечно, мне было тяжело ее обманывать, но правду, я боялась, она не перенесет.

На следующий день мне снова позвонили из агентства. Девушка, с которой я беседовала сообщила, что мой возможный работодатель готов со мной встретиться и назвала адрес офиса, в котором он будет меня ждать в пять часов.

– Очень занятой человек, – добавила моя собеседница, – приходите, не опаздывайте и, пожалуйста, строгий костюм.

К строгим костюмам, юбкам до середины колена или голени, белым рубашкам, блузкам с длинным рукавом я выработала устойчивое раздражение за время работы в банке. Снова надевать что-либо из старого гардероба не хотелось, примеряя то одно, то другое, я решила идти в замшевой юбке и джемпере не очень строго, но я решила рискнуть.

Уже в четыре часа пятнадцать минут я приехала на нужную станцию метро. По моим расчетам от метро до офиса идти было минут двадцать, поэтому я шла не спеша. Свернула с шумной улицы в переулок, впереди вдалеке шла женщи-

на с огромным пакетом в руках, она свернула налево и в переулке осталась я одна. Это было странно, мне казалось, что в центре Москвы нельзя найти место, где ты был бы совершенно один в середине буднего дня. Позади раздались шаги. Я не слышала, чтобы за мной кто-то шел до этого момента, резко развернулась и, не удержавшись на ногах, дождь вымыл грязь из клумбы, и я поскользнулась, упала прямо под ноги незнакомцу. Падая, я ударила его по ногам, и он рухнул рядом, угодив рукой в перчатке тонкой кожи в грязную лужу. Белая манжета рубашки пропиталась грязью мгновенно, черное пальто стало серым с одного бока.

Я выглядела, вероятно, еще хуже.

Незнакомец выругался, подал мне руку и помог подняться.

– Смотри по сторонам, – сказал он, когда я встала.

Мужчина в грязном пальто свернул во двор. Справа был двухэтажный особнячок, начала двадцатого века, стиль модерн (единственный архитектурный стиль, который я могла назвать безошибочно, в других я не разбиралась), охваченный постройками 60х годов. Сразу не бросалось в глаза, но, если присмотреться было очевидно, что здание с квадратными окнами, закрытыми жалюзи, из светлого кирпича, росшее сразу за особнячком было пристройкой и вероятно, что и особняк и это здание позади, и более высокий явно больничный корпус, располагающийся перпендикулярно, были одним целым. Мужчина, свалившейся по моей вине в грязь,

прошел мимо особняка, открыл тяжелую металлическую дверь, ведущую в то здание, которое я приняла за больницу. Я огляделась, сверила адрес, и поняла, что мне надо в особнячок.

Я ненадолго остановилась, чтобы разглядеть красивое крыльцо, украшенное кованым карнизом. По бокам, сплетенные из толстой проволоки висели грозди винограда, а на гигантских виноградных листьях, покрытых паутиной сидел паук. Помню, что меня передернуло. Я смотрела на входную дверь, раздумывая, стоит ли продолжать. Мне представилось, что там за дверью темная комната без окон.

Справа от двери висела вывеска «ТЕРВИ. Строительный холдинг». Я нажала на кнопку звонка, дверь медленно открылась. Светлый холл, никакой явной охраны. На встречу вышла женщина в блузке в горошек с жабо и фиолетовых клешах, медные волосы, яркая помада, ей видимо было лет пятьдесят.

– Танечка? – спросила она, приветливо улыбнувшись. – Идемте за мной.

Мы были в небольшом вестибюле, из него свернули в левый коридор. Я мысленно улыбнулась охватившим меня минуту назад страхам, а вслух сказала что-то вроде:

– Здравствуйте, я упала по дороге...

– Да, да, да, – ответила женщина, продолжая идти прямо. – Девочка из кадрового агентства очень точно вас описала. Меня зовут Наталья Петровна. А, вот, и туалет, – жен-

щина повернулась ко мне и открыла дверь справа.

Я не понимающее на нее посмотрела.

– Под раковиной щетка, попробуйте почистить пальто. Вас ждут через пятнадцать минут, прихорашивайтесь, – Наталья Петровна мягко взяла меня за локоть и подтолкнула к туалетной комнате.

В большом круглом зеркале над раковиной я смогла разглядеть свою спину. Грязные разводы покрывали пальто снизу доверху. Сумку я вытерла мягкой тряпочкой, которую, как и щетку нашла в шкафчике, на который мне указала Наталья Петровна. Мне удалось управиться за десять минут. Я вышла в коридор. Офис был отделан деревянными панелями, я прошла в приемную с большими мягкими креслами на ножках. Наталья Петровна сидела за большим столом, на котором стояло два монитора. Она моментально вышла из-за него.

– Пальто и шляпку сюда, – указала Наталья Петровна на вешалку.

Когда мой берет повис на крючке, она распахнула гигантскую деревянную дверь, украшенную резьбой – птицы на ветках без листьев. За дверью оказалась небольшое помещение с мягкой обивкой и двумя круглыми окошками, за ней квадратная комната. Посередине круглый стол, вокруг него пять стульев с высокими спинками. Спиной к входу стоял мужчина, обернувшийся сразу, как только я вошла.

Это был высокий плотный блондин. Одет он был странно

для делового человека, светлый костюм больше бы подошел художнику, рубашка в пеструю клетку. Я предположила, что она хорошо смотрелась на манекене, поэтому и была приобретена. Также я запомнила его щеки, они слегка висели вниз, похоже было, что он сильно похудел, но кожа не смогла восстановиться. Ему было не более сорока лет, но, судя по внешнему виду, у него были серьезные проблемы со здоровьем. На эту мысль наводил нездоровый цвет кожи, она была какой-то синей, тусклые глаза. Еще неприятно поражали его огромные уши и пальцы толстые и большие. Этот человек в первую минуту вызвал у меня чувство брезгливости. Он расплылся в улыбке, отодвинул один из стульев. Когда я села, он плюхнулся в кресло напротив, закинул ногу на ногу и оказалось, что у него растянутые серые носки.

– Ну-с, Танечка, – сказал он, доставая пачку сигарет и придвигая к себе пепельницу, – меня зовут Дмитрий. Я обратился в кадровое агентство, чтобы мне нашли квалифицированную женщину, способную взять заботу о двух моих детях. Старшему – девять, девочке – семь. Они ..., – Дмитрий продолжил после долгой паузы, – одно время жили совсем одни без родителей, поэтому, поэтому не очень... ну, сами увидите. Расскажите-ка о себе.

Я повторила рассказ о педвузе, работе в банке и сокращении – все то, что я уже говорила в агентстве.

– Понятно, понятно, а с детьми-то приходилось работать? – спросил он.

Я в очередной раз рассказала о своих племянниках.

– Жить вы будете в Новых Колокольчиках это К*** район. Слышали? Живописное местечко, чистый воздух и всё такое, – Дмитрий улыбнулся. – Мечта горожанина. У вас будет отдельная очень хорошая комната рядом с детьми. Дети послушные, никаких проблем. В школу они не ходят, с ними занимается педагог-пенсионер. Добрый такой старикашка.

Дмитрий взглянул на часы:

– Спасибо, Танечка, что пришли, к сожалению, я уже спешу.

Мы поднялись. Дмитрий проводил меня до двери, я вышла и попала в руки Натальи Петровны. Она, не говоря ни слова, дождалась пока я оденусь и проводила до выхода. Дверь за мной закрылась. Из офиса я вышла с ощущением, что работу я не получу, но это и к лучшему. Но не успела я дойти до метро, как мне позвонили из кадрового агентства и поздравили с удачно прошедшим собеседованием. Я зашла в ближайший Макдональдс, взяла кофе и пирожок, и села приводить мысли в порядок. Приятная Наталья Петровна, ужасный Дмитрий, высокая зарплата и отсутствие у меня опыта работы с детьми. «Надо все хорошо взвесить, – твердила я мысленно.» А уже на следующий день позвонил Дмитрий.

– Здравствуйте, Танечка, это Дмитрий – отец двух отпрысков, которые теперь будут вверены вашим заботам, – при этих словах Дмитрий весело рассмеялся.

Я заверила его, что сразу узнала.

– Когда же вы к нам сможете приехать? В агентстве говорили о дополнительных выходных и медицинской страховке, но в моей клинике вас будут лечить совершенно бесплатно, поэтому последний пункт мы можем опустить, а выходные... Поживите с нами, вам и домой-то не захочется, – Дмитрий громко захохотал. – Ну, как, я вас уговорил?

Я ответила, что хотела бы сдать жилье в аренду и перевезти некоторые вещи из квартиры на дачу. Мы договорились, что через три дня за мной приедет водитель, который доведет меня до Новых Колокольчиков.

И только в этот момент я поняла, что еще ни разу, ни во время разговора с сотрудником кадрового агентства, ни при встрече с Дмитрием, я не сказала: «я хочу здесь работать» или что-то на это похожее. Словно все было решено за меня. «Если я сама не могу ничего решить, – подумала я, – пусть все идет как идет».

Теперь предстоял разговор с тетей.

Тетя Рита жила на даче. Из-за больного сердца она редко выбиралась оттуда. Она считала, что каждый приезд в Москву крадет у нее год жизни. Трое ее детей, двое моих двоюродных братьев и сестра, проводили у нее выходные в теплое время года, а меня она ждала каждую субботу и воскресенье. Каждый мой отпуск мы вместе ездили в турпоездку в какой-нибудь европейский город, а летом по выходным я помогала ей с моими племянниками (дети проводили на даче часть каникул). Только моя болезнь могла нарушить этот

порядок, но болела я редко.

Тетя Рита удивилась, когда я позвонила посреди недели. Ведь я так ничего и не сказала о том, что меня сократили. Хотя я позвонила ей уже из электрички, она приехала на станцию до моего появления. Я увидела, как она прохаживается по платформе в ожидании остановки поезда в белоснежном пуховике, джинсах и ботинках на толстой рифлённой подошве. Она легко подхватила сумку, которую я с трудом удерживала, в ней были продукты для нее.

– Что-то ты легко одета, – вместо приветствия сказала тетя, – у нас сегодня ниже пятнадцати, а ты в каком-то коротком пальто.носишь термобелье, которое я тебе подарила? Ты не должна простужаться.

Когда тетя сделала вид, что удовлетворилась моими невразумительными ответами (мне очень не хотелось признаваться, что термобелье я даже не распаковывала). Мы сели в машину.

Ехали с трудом, пошел дождь, а на тетиной машине была проблема с щетками. По дороге тетя Рита рассказывала о своих соседях, количество которых к октябрю значительно уменьшилось. Пенсионеры вернулись в Москву, зимой в деревне делать было нечего.

Тетя сняла с печки не успевший остыть чайник, заварила чай. Я достала толстые шерстяные носки и маленькие валеночки, чтобы ходить по дому. Мы сели на диван возле журнального столика, на который она поставила тарелку с кол-

басой, сыром и хлебом, поджаренным на масле. Я пила чай, хрустела хлебом, а она, тем временем, стала разбирать привезенную мной сумку, список того, что я должна была привезти, она отправила еще в понедельник.

– Какая она все-таки маленькая, надо другую купить, – бормотала тетя.

Консервы, книги, комплект нового постельного белья, фрукты, которые пришлось плотно укутать, чтобы они не замерзли.

– А где же йогурты и творожок, который я просила?

– Уже никуда не влезло, – ответила я. – К тому же сумка была очень тяжелой.

– От пары йогуртов веса было бы немного. Хотя ладно не переживай, у нас стали его тоже завозить. Стоит в три раза дороже, чем в городе, поэтому я его не беру, – подытожила она. – Да, ты чай-то пей и бутерброд съешь. Ужин будет не скоро, сегодня мы идем в гости.

Оказалось, что на другом конце поселка поселилась, со слов тети, очень интеллигентная семья: мать с сыном. Тетя Рита столкнулась с ними в единственном в деревне магазине.

– А теперь расскажи, что случилось, – сказала тетя, когда я доела бутерброд. – Ты теперь в смену работаешь?

Тетя никак не могла поверить в то, что я спокойно отнеслась к увольнению. Она удивилась, что я не потребовала встречи с акционерами (о существовании директоров, акционеров и подобных людях, которые принимают решения и на

что-то влияют она знала из кино). Она спрашивала член ли я профсоюза и нельзя ли таким образом добиться восстановления в должности, собираюсь ли я обратиться в суд? Мысль о том, что я рада изменить работу, не укладывалась у нее в голове. Немного помолчав и подумав, она пришла к выводу, что видимо она зря настаивала на моем поступлении в институт.

– Зря только время потратили, – резюмировала она. – Конечно, ты не такая умная как Света, конечно, надо было сразу идти работать. Обратись к Свете, ей кажется всегда нужны сотрудники.

Дочь тети – Света руководила собственным турагентством. Бывали такие выходные дни, особенно в новогодние каникулы, когда тетя предлагала отказаться от поездки к ней, а помочь Свете встретить очередную группу туристов на вокзале и сопроводить их до отеля. Света платила мало, поэтому полностью укомплектованного штата у нее никогда не было. Она то искала курьера, то экскурсовода, то оператора и часто предлагала мне работу на выходные.

– Работу я уже нашла, – стараясь говорить твердо ответила я, я боялась любых посягательства на меня со стороны Светы. – Я потеряла работу в банке, потому что у меня не было специального образования, поэтому я решила его получить, а это большие расходы.

Заранее заготовленная речь о дополнительном образовании, не помогала, я чувствовала, как кровь прилила к лицу,

боялась посмотреть на тетю, но она ничего не заметила.

– Поэтому я нашла работу гувернантки за городом, я буду сдавать квартиру и получать заработную плату, никаких расходов на питание, – последние слова, видя, как растет недоумение тети, я произнесла как можно быстрее.

– Что-то я не поняла, – начала она с паническими нотками в голосе. – Ты решила учиться и жить за городом, чтобы сдавать квартиру? Ты здесь будешь жить? Но у нас нет никаких детей. То есть дети, конечно, есть, но разве будет Манижа или Багисултан нанимать для них тебя?

– Тетя, ты меня не поняла, – сказала я, взяв ее руку в свои, чтобы передать ей часть моей уверенности в отношении будущего. – Я уже нашла работу у одного богатого человека, он живет в деревне, у него большой дом. Я буду воспитывать его двоих детей и жить постоянно у них. Один раз в месяц я смогу к тебе приезжать. А летом я подберу ВУЗ, в котором смогу заочно учиться на экономиста, – на этих словах я уже побагровела (так мне казалось).

– Танечка, но ты и представить не можешь, как унижительно работать на всех этих богачей! Нет, нет, тебе надо все еще раз обдумать. Не беспокойся, что без работы осталась! А Борины дети! За ними сейчас смотрит какая-то полуграмотная, а ты интеллигентная девочка, да если тебе так хочется поработать няней, занимайся Бориными детьми!

Я назвала тете мой последний аргумент – мою будущую заработную плату.

– Да, – чуть помолчав, согласилась она, – у Бори таких денег нет. – Тут она вздохнула и очень грустно добавила, – как же неудачно случился этот кризис. У тебя была такая хорошая работа, солидная. А теперь ты должна опуститься до уровня прислуги! Мне стыдно будет сказать о тебе своим знакомым.

Видя, что вот-вот из глаз тети могут политься слезы, я чуть было не сказала, что никогда не дорожила своей прежней работой, но вовремя сдержалась, подумав, что лучше не посвящать тетю во все мои мысли. Раздался звонок на мобильный телефон, который отвлек ее от мрачных раздумий о моем будущем.

Оказалось, что это звонят ее новые знакомые, к которым мы были приглашены вечером.

– Да, да, – кричала тетя, стоя возле кухонного стола, где, по ее мнению, была лучшая зона приема, – она приехала! Такая добрая девочка, привезла мне продукты. Очень обо мне заботится, очень хорошая. Да, совсем не похожа! Очень несовременная! Да, я тоже думаю! Хорошо, хорошо! Вечером, вечером! – тетя отключила телефон, хитро на меня взглянула и сказала. – Это я о тебе.

Затем мы сели вязать. Тетя загорелась сделать из остатков пряжи плед. Мы вязали квадратные детали приблизительно одинакового размера, стараясь вывязать на каждом какой-то новый узор. Готовые детали тетя стирала и складывала в пакет, когда я уезжала она забрасывала вязание на

неделю до следующего моего приезда. Мне давно казалось, что плед пора собирать, но тетя настаивала на продолжении вязания квадратных деталей. Когда солнце стало заходить, мы сели в тетины жигули и поехали в гости.

Дом, в который мы приехали, был построен еще года три назад. С тех пор на нем висела растяжка: «продается» и номер телефона, по которому можно было связаться с продавцом. Строение не блистало оригинальностью, вокруг был заросший сорняком участок и остатки строительного мусора. Можно было предположить, что весной хозяевам предстоит потратить не мало усилий, чтобы вид из окон не напоминал строительную площадку.

Нам пришлось минут пять стоять у закрытой калитки. Тетя начала злиться и никак не могла найти в контактах телефон, по которому она могла бы связаться с хозяевами. Наконец дверь дома открылась. Вначале выскочил черно-белый кокер-спаниель, а затем я увидели женщину в дубленке, которая скрывала ее от ушей до кончиков чуней. Она казалась совершенно необъятных размеров, а сверху маленькая головка в желтых кудряшках.

– Простите, простите, Маргарита Павловна, – тонким детским голоском приговаривала она, открывая замок, – а я и не знала, что Толик калитку закрыл. Я ведь ему напоминала, что у нас гости.

Стоило нам очутиться по ту сторону забора, как спаниель стал крутиться вокруг нас волчком. Его неповоротливая хо-

зьяка стала давать ему противоречащие друг другу команды: рядом, сидеть, ко мне. Пес их разумеется игнорировал и не давал нам проходу до тех пор, пока на нашей одежде не отпечатались следы его лап.

Мы зашли в прихожую, в которой было совершенно темно, пахло землей и было ощущение, что на улице теплее.

– Моя Танечка, Кира Анатольевна, – представила нас тетя.

Кира Анатольевна тем временем скинула дубленку и оказалось, что это не неповоротливая толстуха, а миниатюрная женщина, на которой несколько кофт и два толстых платка, один завязан на пояснице, другой на плечах.

– Извините, что я в таком виде, – пропищала Кира Анатольевна, – у нас сквозняки.

– Да вы топили сегодня? – спросила тетя, которая снова надела свой пуховик, а я даже и не начинала раздеваться.

– А, что топить-то? – развела руками Кира Анатольевна. – Улицу топить. Только натопишь, а все тепло в щели уходит.

Из темноты раздался мужской голос:

– Проходите в комнату, здесь уже теплее.

Кира Анатольевна открыла дверь, и мы оказались в большой комнате. В противоположном конце горела одна единственная лампочка, прикрепленная под потолком. Она высвечивала стол, на котором стояла вероятно посуда, накрытая сомнительной чистоты салфеткой, рядом со столом стояла с одной стороны лавка, с другой сидел, заросший черной бородой мужчина – сын Киры Анатольевны и безуслов-

но именно он предложил нам зайти.

Позади него была раковина и рабочий кухонный стол, над всем этим весело два шкафчика и сушилка для посуды, на которой стояла пара чашек с глубокими трещинами. Напротив раковины была выложена печка.

– Анатолий, а вот и гости наши, – сказала Кира Анатольевна.

Она чуть отодвинула лавочку и жестом предложила мне занять место напротив Анатолия.

– Что же вы так дом выстудили? – сказала тетя, усаживаясь рядом со мной.

– Да, что топить-то! Улицу топить. Я говорила Толе, мы здесь зимой замерзнем! Но знаете, какая сейчас упрямая молодежь.

Я бросила взгляд на Анатолия, который как будто читал газету. Мне подумалось, что я могла ошибиться на счет его возраста, в начале я решила, что ему около сорока, но, судя по возрасту его матери, на самом деле едва ли тридцать.

Анатолий провел рукой по волосам от затылка ко лбу, взъерошив их еще больше, сложил газету, достал пачку сигарет откуда-то из-за спины, и, выпуская дым, ответил:

– Ты же два дня дом не топила.

– Тепло было!

– Сама не топила, а я теперь виноват.

– Да, что топить? Что топишь, что не топишь, теплее не становится, щели кругом.

– Никаких щелей нет.

На этом их диалог не закончился, Кира Анатольевна приводила примеры, как их соседи неделями не топят дом и ходят босиком. Анатолий просил назвать адреса этих домов и собирался немедленно отправиться туда, чтобы проверить слова матери. Тетя пыталась было влезть в эту дискуссию, но ее никто не слушал. Я, привыкая к полумраку, разглядывала дом. Справа была лестница наверх, с которой на меня смотрело два горящих глаза, это кокер пристроился на одной из ступенек. На стене рядом с лестницей весел ковер, а перед ним два пустых кашпо. На подоконнике стояло четыре горшка, в которых вместо цветов торчали четыре палки.

Кира Анатольевна тем временем переместилась к окну и что-то говорила, но я не сразу поняла, что она уже не обсуждает тему щелей, а рассказывает что-то о редких растениях то ли из Португалии, то ли из Испании.

– Вообще не агроном, – сказал Анатолий, видимо комментирую слова матери. – А студент аграрного института.

– Лишь бы спорить с матерью. Какая разница? Для моего рассказа вообще никакой разницы, что агроном, что студент.

– Но он студент, а не агроном.

– Рассказывай сам лучше. Видишь, как Танечке интересно, а наша перебранка ей неприятна. Вы молодые, вам есть, что обсудить. А я Маргарите Павловне свои парники покажу.

– Вы что что-то в парники высадили? – удивилась тетя. – Они отапливаются, есть свет?

Кира Анатольевна замолчала, наморщила лоб, но затем, просветлев, ответила:

– Нет, я место хотела показать, чтобы вы оценили, как специалист. Можно там парники устраивать или нет.

– Да, какая разница, ставьте, где хотите, – разозлилась тетья. – А чем Анатолий сейчас занимается? – спросила она, глядя на бородача, но обращаясь к его матери.

– Толик в монастыре работает, помогает строить новый храм в Новых Колокольчиках.

– Ничего я не строю, я занимаюсь отделкой.

Кира Анатольевна назвала именно ту деревню, в которой жил мой новый работодатель.

– В Новых Колокольчиках в К*** районе? – тетья всплеснула руками. – Вот это совпадение, а Танечка как раз там будет работать! Неожиданное и приятное совпадение, правда, Танюша?

Я промолчала, а Кира Анатольевна заметила, что это очень далеко от Москвы. И если банку, в котором я работаю, потребовались специалисты, не лучше ли было найти их в Новых Колокольчиках. Моя тетья вздохнула и сказала, что не была посвящена во все мои планы, а я решила получить второе высшее, и чтобы заработать денег нашла высокооплачиваемую работу в Новых Колокольчиках.

– В одной фирме, – добавила тетья, – но мы пока не говорим в какой, чтобы не сглазить.

– Чай или кофе? – спросил Анатолий.

– Соглашайтесь на чай, – посоветовала Кира Анатольевна, – Толик его утром хорошо заварил.

Разглядев, все вокруг я поняла, что хозяйка Кира Анатольевна никакая, что скорее всего, все, что может быть предложено в этом доме, мне совершенно не понравится, но тетя явно не собиралась быстро уходить, а общие темы для разговоров иссякли, и надо было себя чем-то занять. Тетя сказала чай, а я, заприметив банку растворимого кофе на столе, и, предполагая, что пить я буду именно его, сказала кофе. Но в банке оказался сахар, а кофе подогревался в турке и, когда он вскипел, оставалось только гадать, кем и когда он был сварен.

Итак, мы все четверо сидели за столом, напротив каждого из нас стояли чашки с подогретыми напитками, в центре стола сахарница с сушками и банка из-под кофе с сахаром. Тишина за столом всегда кажется мне гнетущей и, как правило, я стараюсь найти общую тему для разговора или, как минимум, сообщить прогноз погоды, но сейчас, догадавшись зачем мы приехали в этот дом, я расстроилась и желание общаться не испытывала.

Моя тетя уже не в первый раз пыталась выступить в роли свахи. То есть она скооперировавшись со своими соседками, бывшими коллегами, дальними родственницами, знакомила меня с их одинокими и во всех отношениях положительными сыновьями, которые, дожив до сорока лет, а то и более, так и не встретили на своем пути достойной кандидатуры на

роль жены и матери своих наследников.

Я ни разу не высказывала возмущения по этому поводу, потому что считала это бесполезным, а тете было приятно от мысли, что она пытается устроить мое будущее. При чем ее мало заботили кандидаты на роль моих спутников жизни. Они могли быть отталкивающей внешности, с сомнительным прошлым и бесперспективным будущим, но в ее глазах это было совершенно не важно. Мне казалось, что она наивно доверяет рассказам их матерей о том, какие это во всех отношениях положительные дети, встречавшие на своем пути вертихвосток и прочих недостойных их женщин, поступавших в отношении их сыновей не благородно и не благодарно. В свою очередь тетя представляла меня хозяйственной молодой женщиной, мечтающей о детях и спутнике жизни, который не пьет. Хотя никогда не интересовалась моей личной жизнью. Она еще два года назад решила, что с моей внешностью и прочими отсутствующими достоинствами мне никогда никого не найти.

Несмотря на все мои усилия думать о приятном, переносить затянувшееся молчание становилось все тяжелее, даже тетя Рита начала нервничать. Она взяла было сушку, хотя тот факт, что к ним не притрагивались хозяева, должен был заставить ее быть более осторожной, но едва засунув ее в рот, она тут же отвела руку. Тетя стала глотать маленькими глотками чай, видимо он был удовлетворительным на вкус, Кира Анатольевна последовала ее примеру. И, тут, Анатолий заго-

ворил, при чем со мной, что порадовало тетю настолько, что в беспамятстве она вновь попыталась засунуть сушку в рот.

– А кредиты ваш банк выдает или все как везде? – спросил Анатолий и хмыкнул.

– А как везде? – поинтересовалась я.

– А вы будто не знаете? – добавив яду в голос, произнес мой потенциальный жених.

– Кредиты выдают в любом банке без исключений, различаются только условия кредитования.

Моя тетя всегда радовалась моим рассуждениям по любым экономическим вопросам и здесь я краем глаза заметила ее довольную улыбку, несмотря на всю банальность моей фразы, ее мысли в этот момент были следующими: «Ну, что я вам говорила, видите теперь, какая у меня умная племянница!»

– Вот именно! – неожиданно громко прокомментировал мой ответ Анатолий. – Доходы из воздуха, – тут он опять хмыкнул и замолчал.

Я больше не произнесла ни слова до самого отъезда. А уехали мы, когда тетя допила чай.

– По-моему в машине теплее, чем у них дома, – сказала тетя, сворачивая на нашу улицу. – А свет! Сидят в полной темноте, даже не видят, что у них на сушках сантиметровой слой пыли! Ты их не ела надеюсь? Напомни мне, когда приедем домой, выпить активированный уголь.

Когда мы приехали к тете, она уже совершенно успокои-

лась и уже радовалась знакомству с этой семьей. Ведь благодаря тому, что Анатолий работает в Новых Колокольчиках, он сможет привозить меня на выходные к тете и при необходимости что-нибудь передавать.

На следующий день утром, тетя Рита отвезла меня на станцию. Мне надо было возвращаться домой, упаковывать вещи и искать арендаторов.

Коробки с книгами, постельное белье в вакуумных мешках, часть одежды, которую не хотелось выбрасывать, переложенная пакетиками с лавандой, а также, единственный ценный предмет – антикварный столик – все было выставлено в коридор.

Найти арендаторов было не сложно, еще на прежней работе я слышала разговоры коллеги о том, что ее дочь и зять ищут однокомнатную квартиру. Меня пугает, когда с самого начала все складывается удачно. А у меня было все не просто удачно, но чрезвычайно легко, как будто раньше я шла к цели по извилистому лабиринту со множеством ложных поворотов, а теперь нашла прямую дорогу. Работу я нашла почти сразу после того, как разместила резюме, тетя Рита легко смирилась с моим решением, а потенциальным квартиросъемщикам квартира нужна была именно в моем районе. Молодая семья, с которой я заключила договор аренды, должны были въехать уже завтра. Аванс за месяц, плюс страховой депозит в размере ежемесячной платы, итого у меня

на руках три ежемесячных оклада с прежнего места работы. Я купила новый большой чемодан, теплый пуховик и унты, на оставшуюся сумму несколько блузок, вельветовые брюки и черную строгую юбку. Я очень радовалась этим вещам, которые были олицетворением новой прекрасной жизни, которая меня ждет.

После поездки к тете я перебирала шкафы в своей единственной комнате и кухне. Пришлось снять контейнер, тетя уже на следующий день отказалась хранить у себя мои вещи, боялась, что я захламлю дачу. Мне удалось уговорить ее только на антикварный столик и один чемодан. Столиком я дорожила, а чемодан мог привезти Анатолий, если все пойдет хорошо, и я задержусь в Новых Колокольчиках.

Ожидание грузового автомобиля, который я накануне заказала, тянулось медленно. Я вскипятила воду и заварила чай. Когда наливала чай в чашку, в дверь позвонили. Звонил грузчик. Вместе с ним приехал Анатолий. Он должен был проследить, чтобы вещи довели в целости. Договориться с ним предложила тетя Рита. Я не сразу его узнала, потому что он сбрил бороду и выглядел значительно моложе. Вместе с грузчиком они быстро перетащили узлы и коробки в машину. Антикварный столик Анатолий нес лично, я тщательно завернула его в бумагу и ткань. Я смотрела в окно, как Анатолий осторожно поставил столик на тротуар, затем закрепил на крыше машины и проверил на прочность все крепления, в этот момент он мне даже начал нравиться и тот факт,

что я ему заплатила за все услуги и дала четкие инструкции не играл никакой роли. Столик – единственная вещь, которая осталась от той жизни, которую я не помнила. Он принадлежал моей матери, как и квартира, в которой я жила.

С десяти лет я жила с тетей, и квартира сдавалась, но, когда я стала работать, то сделала в ней ремонт и переехала. Тогда-то тетя и предложила забрать столик, сказала, что его купила моя мама, что он ей не нужен, а мне может быть пригодится. Помню ли я, как трогала его в детстве, как клала на него цветной карандаш или куклу – не имело значение. Он заменял мне несуществующие воспоминания. Иногда мне казалось, что я что-то помню, и тогда фантазиям не было придела. Даже, став старше, я не перестала фантазировать. Если в книге я встречала описание семейной сцены, то всегда начинала ее примерять на себя. Как будто это я тот ребенок из книги, которому читают на ночь сказку, расчесывают утром волосы или провожают в школу. И неизменно в моих воспоминаниях мелькал столик, он был тем ингредиентом, который превращал фантазии в реальность. То за ним писала письма мама, то отец забывал на нем ключи от машины, то на нем стояла огромная коробка, в которой прятался мой подарок на день рождения. Представляя все это, я как будто переживала реальные воспоминания. И все эти фантазии, как и воспоминания, всегда были со мной и только становились богаче. Я, конечно, четко представляла, что этого никогда не было, но вспоминать о них мне нравилось

гораздо больше, чем о реальных событиях из прошлого.

Увидев, как машина с погруженными на нее вещами выезжает со двора, я невольно заплакала. Слезы текли из глаз абсолютно без всякой причины, мелькнула мысль, что я больше никогда сюда не вернусь. Через час приехал водитель, посланный за мной Дмитрием.

Я надела сапоги, рассчитанные на грязь и лужи, шапочку, которую связала накануне специально под свой новый гардероб. В Москве было тепло, но в Новых Колокольчиках температура была градусов на пять ниже. Спрятав ключи от квартиры в сумку, я выдвинула ручку из чемодана и покатила его к лифту.

Водитель уложил ее в багажник, я села на заднее сиденье, и мы поехали.

Я постаралась устроиться поудобнее, закрыла глаза и открывала их только на светофорах и перекрестках, если машина тормозила. Ночью я едва ли спала больше трех часов, сборы отняли много времени.

Скоро веки стали тяжелыми, я начала дремать. Все мои мысли были о новом доме, детях, офисе «ТЕРВИ», Наталье Петровне в блузке с горошком и хохочущем Дмитриии. Я провалилась в сон.

Темный лес, зеленые ветки, стволы деревьев, покрытые мхом, густая зеленая трава я иду по тропинке, вокруг абсолютная тишина. Я иду вперед, туда, где среди деревьев про-

бивается свет, мне кажется, что там дорога, и я наконец-то окажусь на свободе. Но оказывается, что свет идет из освещенных окон дома, вокруг которого все та же тьма. Дом покосился, крыша сползла набок. Я осторожно заглядываю в окошки. В начале я ничего не вижу, из окон льется свет, но, заглянув внутрь, я вижу тьму. Но, тут во тьме появляется серая тень, постепенно я начинаю различать очертания силуэтов каких-то людей и предметов в комнате и, вот, комната уже мне ясно видна – тьма отступила.

За столом сидят несколько мужчин в абсолютно черной одежде. В уголке свалена одежда, чемоданы, узлы из которых торчат металлические детали. Вдруг словно по команде они встают друг за другом и начинают исчезать, буквально растворяться, оставляя после себя только кровавую лужу. Вдруг я замечаю рядом с собой человека в белом халате, с кровавыми пятнами и эти пятна растут, становятся ярче, а затем с них начинает литься кровь, мне становится страшно от того, что этот человек в халате меня увидел, я хочу убежать, но не могу, ноги словно приросли к земле. Я начинаю задыхаться от страха. «Что ты тут делаешь?» – сейчас меня спросит незнакомец в белом халате, его взгляд пугает, а из шевелящихся губ вылетает, разрывающий тишину, гудок...

Мой водитель сигналил впереди стоящей машине, застрывшей на светофоре. Я огляделась по сторонам, вокруг было все тоже: грязные улицы, пешеходы, голуби на остановке. Ничего опасного, кроме машин на дороге. Я спала не бо-

лее пяти минут.

Мы выехали на шоссе, вдоль дороги стояли, огромные борщевики. Их зонтики были обращены к небу, как будто антенны подающие сигналы куда-то в космос. Кое-где он разросся и занимал целые поля.

Перед переездом в Новые Колокольчики я поискала информацию в интернете об этом месте. В Новых Колокольчиках было около шестисот жителей, небольшое молочное производство, а на берегу озера симпатичный санаторий с говорящим названием – «Березы». Новым корпусам санатория было не больше десяти лет. А старые были в двух километрах от деревни. Были планы по их перестройке, но из-за арестованных счетов строительной компании, процесс затянулся на годы и сейчас все пришло в запустение.

Также на берегу, на крутом утесе была старинная церковь. На православном сайте было указано, что в тридцатых годов церковь была взорвана и только в конце девяностых началось ее восстановление.

Мне запомнилась фотография на сайте: зеленый склон, белые стены храма над ним, озеро, к которому ведет тропинка от храма, по тропинке идет старик с удочкой, а впереди бежит маленькая собачка. Идиллия.

Когда мой водитель въехал в деревню, было уже темно. На улице слабо горели фонари, было темно и тихо. Мы проехали несколько глухих заборов и перед одним из них остановились. Открылись ворота, и машина въехала во двор пе-

ред трехэтажным особняком. Двор показался ослепительно ярким, светлая плитка хорошо отражала свет, а свет лился не только от фонарей, но также из нескольких больших окон первого этажа. Территория, которую занимали постройки и сад, показалась мне огромной. Когда я вышла из машины, на крыльцо вышел Дмитрий. Он весело помахал рукой и направился к машине.

– Это все твои вещи? – спросил он, рассматривая чемодан, который выгрузил водитель. При этом он скорчил гримасу, которую можно было расшифровать, как: куда все это девать?

– Пока да.

– А, – засмеялся он, – понятно. Ну, идем в дом.

Водитель покатил мой чемодан дальше по дорожке, а Дмитрий повел меня к той двери, из которой вышел.

– Сейчас я тебя познакомлю с Сергеем Александровичем.

– А кто это? – спросила я.

– Как кто? Ах, да, – засмеялся Дмитрий. – Ты думаешь, что счастливый отец семейства это я? Нет, нет, боже упаси, – последнюю фразу он произнес громким шепотом прямо мне в ухо, при этом он закатил глаза, изображая насколько такая участь кажется ему пугающей. – Извини, пришлось ввести тебя в заблуждение на собеседовании, иначе длинная вышла бы история.

И его смех, и словосочетание «счастливый отец семейства» показались мне неуместными, учитывая, что дети, ко-

торыми я должна была заниматься, были сиротами.

Тем временем мы поднялись на полукруглую площадку крыльца, прошли двухстворчатые двери и оказались в просторной светлой прихожей. Дмитрий свернул по коридору направо, я пошла за ним. В гостиной сидел тот самый мужчина, которого я встретила в день собеседования и неудачно толкнула, упав в грязь.

Мы стояли около двери, а он продолжал читать газету.

– Серж, а вот и наша Мэри Поппинс, – сказал Дмитрий.

Серж свернул газету, встал и представился:

– Сергей Александрович.

– Вот, Танюша, это он – отец семейства.

Сергей Александрович поморщился, я решила, что ему не понравился веселый тон с каким это было сказано, и предложил познакомить меня с детьми. Дмитрий остался внизу, а мы поднялись на второй этаж.

Сергей Александрович меня не узнал.

Дети были в спальне, дверь в которую вела из игровой комнаты. Девочка разрисовывала поля какой-то книги, лежа на кровати. А мальчик отправлял из одного угла комнаты в другой машинки и красный мячик.

– Это Мила и Гриша, – представил детей Сергей Александрович, – у Милы скоро день рождения, ей исполняется восемь лет, Грише – девять.

Дети бросили свои занятия, как только мы вошли и стояли, прижавшись друг к другу. Выглядело так, словно наш

приход их напугал.

– Мила, – Сергей Александрович обратился очень ласково, он присел перед детьми на корточки, и, взяв девочку за руку, нежно спросил, – помнишь книгу сказок, которую я вчера привез? Тетя Таня сегодня тебе ее почитает.

– Я бы хотела, чтобы дети называли меня Татьяной Николаевной, – не уверена, что меня можно было расслышать, так тихо и неуверенно я это произнесла.

«Я бы хотела», возможно звучало громко, но я так напугалась при первых звуках своего голоса, что остаток фразы проговорила почти шёпотом.

Девочка посмотрела на меня с секунду, но тут же опустила глаза и стала обводить носком туфли узор на ковре.

– Гриша, проводи тетю Таню в игровую комнату, покажи, что у вас есть.

Гриша посмотрел на отца, потом на меня, взял сестру за руку и пошел к двери, в которую мы вошли. Сергей Александрович шел следом за мной. Игровая комната была с мягким ковром и двумя огромными окнами вдоль правой стены. Вдоль левой стояли шкафчики с игрушками и книжками, порядок был идеальный. Мила, войдя в нее, не подошла к полке с куклами, а Гриша смотрел на машинки так, словно видел их не в собственном доме, а на полках магазина.

Я подошла к одной из полок, на которой сидела очень красивая кукла с белоснежными локонами в платье принцессы. Помню, что у меня была почти такая с фарфоровым лицом,

только куда-то делась.

– Какая красивая, – сняв куклу с полки, я попыталась изобразить изумление. – Как же ее зовут, Мила?

Девочка никак не отреагировала, она стояла у детского столика и листала книгу, вероятно ту самую со сказками, которую ей обещали почитать.

– Мила, доча, – окликнул девочку отец, – тетя спрашивает, как зовут твою куклу.

Я не могла не заметить, что Мила вздрогнула, когда услышала свое имя. Девочка повернулась к нам лицом, немного постояла, подошла ко мне, взяла куклу, и я с трудом из-за чудовищной дикции поняла, что она говорит:

– Эта кукла не моя, она Лили.

– Для Лили она слишком большая, она до нее еще не выросла, – сказал из своего угла Гриша.

– Мне можно с ней играть? – спросила девочка у отца.

– Никакой Лили нет, можешь играть здесь со всем чем хочешь, – Сергей Александрович говорил спокойно, но он явно был раздосадован.

Мила взяла куклу, прижала ее к груди и стала укачивать.

Сергей Александрович коснулся моего локтя и жестом предложил выйти из комнаты.

– Пусть поиграют без нас, – сказал он, когда мы о казались одни.

Мы вышли из спальни, спустились вниз и сразу повернули направо. Это оказался кабинет с большим письменным

столом, справа от двери стояло мягкое кресло и диванчик, на котором едва ли поместилось трое взрослых людей.

Я заняла кресло, Сергей Александрович сел на диван, но потом встал, и, не спросив меня о том, переношу ли я табачный дым, закурил.

– Дети тяжело перенесли переезд, – сказал он. – Они не хотели уезжать. Здесь им сложно. Говорят с акцентом, друзей их возраста у них нет.

Сергей Александрович замолчал, видимо ожидая от меня какой-то реакции, но я молча разглядывала свои руки на коленях и мысль о том, что я допустила чудовищную ошибку, согласившись на эту работу, вот-вот должна была довести меня до мигрени. Я чувствовала удары в висок, подкашившую тошноту. Глаза болели от яркого света.

– Я немного от них отдалился после смерти жены, – продолжил свой рассказ Сергей Александрович. – Их бывшая гувернантка... – Сергей Александрович поднял глаза к потолку, как будто что-то припоминая, – не смогла поехать с нами, она была француженкой. Она им была словно мать. Теперь они как будто вновь разлучились с матерью, уже второй раз. Итак, я думаю в этом причина их замкнутости. На самом деле это очень активные, веселые дети, – закончил он.

– Понятно, – ответила я, лишь бы что-то ответить. – Понятно. А о какой Лили шла речь?

Сергей Александрович подозрительно посмотрел на меня.

– Мила сказала, когда держала в руках куклу, что это кукла Лили, – пояснила я.

Надо было также честно добавить, что мне было все равно о чем спросить или сказать, просто мне казалось необходимым говорить о детях, необходимым что-то узнать о них, прежде чем приступить к своим обязанностям и я выпалила первое что пришло мне на ум. У меня как-то вылетело из головы, что Сергей Александрович еще в детской сказал, что никакой Лили нет, но, задав свой вопрос, я это вспомнила и в висках застучали молоточки.

– Ах, это, – облегченно вздохнул Сергей Александрович. – Не знаю, – развел он руками. – Может быть какая-то ее французская подружка, а может быть из какого-то фильма запомнила.

Сергей Александрович еще пару раз выпустил дым, отложил сигарету и по внутреннему телефону позвонил в кухню. Через десять минут в кабинет зашла женщина, некрасивая, волосы с седыми прядями были собраны у нее на затылке в жидкий пучок. Я мысленно назвала ее старухой, но потом оказалось, что ей едва за сорок. У нее были широкие плечи, большие мужские руки, квадратное лицо, которое и в этот вечер и почти всегда выражало недовольство.

– Катя, – обратился к ней Сергей Александрович, – Татьяна пока еще осваивается, покажи ей все и вместе уложите детей спать.

Я пошла вместе с Катей. Казалось, что мое присутствие

ее раздражает. В начале она мне показала мою комнату. Мы снова зашли в спальню детей, Мила и Гриша уже были там и играли с красным мячиком. Как я поняла они играли в футбол и как раз, когда мы зашли мяч отскочил в сторону двери и ударил Катю по ногам. Катя пнула мяч в сторону детей и как мне показалось по ее лицу, она была бы рада, если бы он попал кому-нибудь из них в голову. Я не успела ничего сказать, потому что Катя откинула занавеску слева и оказалось, что из детской спальни можно попасть еще в одну комнату, устроенную в мансарде над детской. Надо было подняться по лестнице шириной чуть более полуметра. Слева в комнате было маленькое круглое окошечко, под ним кресло с двумя подушками, справа кровать, тумбочка рядом, вдоль стены стеллажи и штанга, на которой весело несколько вешалок, все это можно было занавесить шторой. Мой чемодан уже стоял в углу.

– Санузлом можете пользоваться детским, – сказала Катя. – Белье я меняю раз в неделю, полы протираю тоже, а пыль и все такое вы уж сами, а то я прям разрываюсь. Тряпочку себе заведите и, вот, тут, – она показала батарею, устроенную в стене напротив входа, – сушите. Тряпочку я вам завтра какую-нибудь выделю. Никаких только кипятильников не включайте, а то у нас тут была одна. Взяли на грязную работу, а она свой чайник давай кипятить, мебель попортила, а будто в кухню ей тяжело спуститься, кипятка налить. В общем, вы тут ничего не варите, а то я узнаю, и все

розетки отрублю! – закончила Катя зло.

Вместе с Катей мы помогли Миле и Грише переодеться в пижамы. Я прочитала им сказку о принце-лягушке. Я ждала, что дети уснут, не дождавшись конца сказки, но они даже не закрыли глаза. Гриша держал в руке маленькую машинку и возил ею по одеялу, а Мила, держа перед лицом руки, складывала пальцы то так, то эдак и смотрела на тень, которую они отбрасывали на стену.

Катя в это время приводила в порядок ванную комнату, периодически что-то роняя, затем в игровой вернула все, что брали дети, на полки, бубня под нос, что зачем снимать столько игрушек, взял одну и играй.

Я раздумывала, чтобы еще почитать, когда Катя зашла и махнула мне рукой:

– Заканчивайте, если мне непонятно что вы там бормочете, им и вовсе не разобраться.

Катя оставила горящим ночник, дети, по ее словам, засыпали всегда сами. Тут, она по-доброму улыбнулась, извинилась, если, что резко сказала, и пошла вниз, а я поднялась в свою комнатку. Здесь было очень тихо. Я чувствовала себя несколько лучше, прошло ощущение будто я в тумане, а вокруг меня что-то происходит на что я никак не могу повлиять. Я разложила вещи, достала халат, тапочки и теплые носки, мешочек с туалетными принадлежностями. Но потом подумала о том, что перед тем, как чистить зубы я с удовольствием выпила бы чай.

Я спустилась в детскую спальню и выглянула в окно. Фонари во дворе были выключены, но ночь была лунная, облака разошлись, и я увидела, что впереди поле, а за ним лес. Под окном пробежала собака.

Я посмотрела на детей, которые все еще не спали, они на меня никак не отреагировали, вышла и, пройдя через темную игровую комнату, оказалась на лестнице. Когда дверь за мной закрылась, я оказалась в полной темноте. Где выключатель я не знала и стала медленно спускаться, придерживаясь за стену и вытянув левую руку вперед, чтобы что-нибудь не задеть и не упасть. Глаза привыкли к темноте, я прошла один лестничный пролет и разглядела очертания китайской ширмы, очень эффектная при освещении, но лишняя в такой темноте, потому что загораживала окно на лестничной площадке. В этот момент я услышала стук, закрывающейся двери видимо в кабинет, где мы разговаривали с Сергеем Александровичем и, повинувшись внезапному порыву, я спряталась за китайской ширмой. Я присела на корточки и боялась вздохнуть, а самое главное жалела об этом порыве. Сердце билось так, что казалось вот-вот выскочит, я твердила про себя, что глупее ничего сделать нельзя, между тем я слышала шаги, кто-то шел к лестнице и разговаривал.

– По-моему все прошло благополучно, – сказал Сергей Александрович, я узнала его по голосу. Он закрывал дверь кабинета на ключ, я слышала характерное позвякивание связки и щелчки замка.

– Дети могут показаться странными, – ответил ему Дмитрий.

– Странные дети?

– Да, но вы же сами сказали, что малая вспомнила о Наташкиной дочке...

– Пусть Катя за ней понаблюдает, но, по-моему, это обычная девчонка какую я и хотел найти. Никакой опасности, наши дела ее точно не будут интересовать, главное свою работу делать хорошо.

О чем они говорили дальше, я уже не услышала, мужчины, спустились вниз, может быть поздний ужин. Я также слышала голос женщины, затем всё стихло. Просидев на лестнице достаточно долго, чтобы убедиться, что дом погрузился в тишину. Я тихо вернулась в детскую.

Мила и Гриша сидели рядом и при свете ночника разглядывали картинки в толстой книге сказок, которую Гриша едва удерживал. Дети были поглощены настолько, что меня не заметили.

– Смотри, какое красивое платье! – восхищенно воскликнула Мила.

Стараясь говорить, как можно мягче, я спросила:

– Почему вы не спите? Зав... – остальные слова так и остались на языке, потому что стоило детям услышать мой голос, как Гриша выронил книгу, и она тяжело ударилась об пол.

Дети вскочили и смотрели испуганно, как будто сделали что-то ужасное. Глаза Милы стали огромными, она едва не

плакала, а Гриша угрюмо сказал:

– Нам здесь все можно трогать, это наша книга.

Я поняла, что книгу они взяли с полки, на которую ее водрузила Катя, она видимо всегда слишком откровенно выражает недовольство, когда ей приходится наводить в комнате порядок, вот и вся причина испуга.

Я подошла к ним, присела на край кровати, подняла книгу. Это был очень красивый сборник. Несколько сказок Андерсена, Шарля Перро и Братьев Гримм в одной книге с красочными иллюстрациями. Я открыла книгу наугад, и она раскрылась на странице со сказкой о Золушке, главная героиня стояла в белом платье перед каретой из тыквы.

– Ух, ты, – сказала я и посмотрела на Милу.

– А мне не это понравилось, – ответила она и стала перелистывать страницы в поисках своей картинки.

Мы оказались на странице с другой сказкой Шарля Перро – «Спящая красавица». Мила протянула свою руку под моей, прижалась головой к моему плечу, и я начала читать книгу. Гриша лег на свою постель, сложив руки и подложив их под голову. Скоро он уснул, а Милу я уложила в постель сама. Под подушкой что-то лежало, я видела красный край и потянула за него. Это была тряпичная кукла. В интерьере их детской и всего дома она смотрелась странно. Я забрала ее с собой.

В ванной комнате я поставила свой стаканчик для зубной щетки и тюбика зубной пасты. Шампунем пришлось вос-

пользоваться детским с запахом яблока. Я оставила в ванной свое полотенце для лица и косметичку.

Вернувшись в свою комнату, я рассмотрела куклу Милы. Два овально вырезанных куска полосатой ткани образовывали тело куклы, голова была выделена тугой резинкой, от чего от шеи куклы вверх шли складки. На лице в складочку угадывались нарисованные губы и глаза. Цветная тряпочка очень грязная, сложенная пополам с прорезью для головы и перетянутая на теле куклы еще одной резинкой, играла роль платья.

Я достала привезенный с собой набор для шитья. Аккуратно отсоединила резинки, распорол матрасик, который играл роль тела куклы. Швы легко разошлись, и наружу вылезла ужасная начинка – части черных капроновых чулок. Пришлось снова пройти в детскую ванну. Мне необходимо было простирнуть все кусочки ткани. Я опасалась, что они расползутся от воды, но ткань оказалась прочной и после того, как мыльная коричневая от грязи пена ушла в сток, можно было разглядеть остаток штампа на одном из кусочков. Увидев штамп, я сразу подумала о каком-нибудь казенном учреждении: больнице или детском саде.

Еще раньше я заметила в ванной комнате доску для глажки белья, поэтому предположила, что утюг, спрятан здесь же в одном из шкафчиков. Так оно и оказалось. Мне необходимо было быстро просушить все кусочки. В своей комнате я снова сшила тело куклы, оставив маленькое отверстие, в ко-

торое осторожно просунула шерсть, из которой планировала связать тете Маргарите шарф. При стирке я аккуратно обошлась с глазами и ртом, сохранила их очертания, чтобы теперь легко воспроизвести. С помощью тонкой цветной шерсти я вышила несколькими стежками брови, глаза и рот по оставшемуся контуру. Я очень старалась, чтобы выражение лица тряпичной куклы не изменилось.

Вместо резинки я использовала тесьму. А шею куклы теперь украшал кусочек моего собственного шелкового шарфа.

Трудно было представить, откуда у этой маленькой девочки с дорогими игрушками и со слов отца, приехавшей из Франции, оказалось это маленькое пугало, сшитое из казенного матраса. Я вернула игрушку на место, под подушку. На часах был второй час ночи, и я поняла, что не знаю на какое время поставить будильник, будить ли мне детей или этим занимается Катя, во сколько они завтракают?

И, тут, я вспомнила, что сама последний раз ела утром. Чувство голода растворилось среди волнений этого дня. Но мне ничего не оставалось, как лечь спать и попытаться уснуть.

Было очень душно, еще, когда я занималась куклой Милы, я приоткрыла окно. Но когда я легла спать, мне начало казаться, что воздуха становится все меньше. Я встала на кресло и открыла окно полностью, вдохнула морозного ветра из абсолютной ночной тишины. Очень это было непривычно

после моей городской квартиры, окна которой выходили на дорогу, шум от проезжающих машин был и днем, и ночью.

Завыла собака, я подумала, что это та собака, которую я видела через окно детской спальник. На небе ярко горели звезды и светила полная луна. Я вспомнила, что где-то там вдали лес, и вспомнила свой кошмар, который мне приснился в машине, закрыла плотно окно и пока не заснула, не спускала глаз со входа с ужасом ожидая, что вот-вот ко мне поднимется тот, чью тайну я могла разгадать, вглядываясь в ночную тьму.

Катя разбудила меня в семь утра. Она вошла без стука, потрясла меня за плечо, от чего я резко вскочила на ноги. Спросонья я не сразу поняла, где нахожусь.

– Позавтракаем вместе? – спросила Катя дружелюбно и весело. – Вставайте, вставайте, Танюша, уже восьмой час.

Я натянула джинсы и свитер, быстро умылась (всё это время Катя меня ждала, боялась, что я не найду в новом доме дорогу в кухню и перебужу хозяев). Мы вместе спустились вниз. Кухня была огромной, так мне показалось после моей кухоньки в городском панельном доме. В центре стоял прямоугольный стол. Здесь было много разной техники, но такими вещами как, например, блендер и кофемашина, никто не пользовался. Всё это я стала эксплуатировать, когда немного освоилась в доме. Катя предпочитала взбивать венчиком, толочь скалкой, а кофе если кто и пил, то раствори-

мый. Поэтому, поначалу, мне было непонятно откуда здесь современные электроприборы.

Почти сразу после нас в кухню зашел Василий – водитель, с которым я приехала, и молча занял место за столом в ожидании завтрака. Минут десять спустя вошел мужчина лет около шестидесяти, седые волосы, небольшая острая бородка. Он был в темном костюме тройке с чуть протертыми понизу рукавами. Он вежливо поздоровался, я мысленно назвала его профессором, и представился. Это был учитель детей – Максим Максимович. Я также выяснила отчество Кати, звать ее по имени было неудобно.

Екатерина Филипповна попросила меня помочь накрыть стол. Пока она делала сырники, я заварила чай, поставила чашки, нарезала сыр и колбасу, достала масло, хлеб и сметану, которая была почти такой же твердой как масло. Одновременно Катя поджарила на огромной сковороде яичницу, и я разложила ее по тарелкам.

У меня давно не было ни такого чувства голода, ни такой жажды как в это утро. Несмотря на страхи, спала я прекрасно и все, что могло мне казаться странным, перестало быть таковым. Я попросила Екатерину Филипповну и Максима Максимовича рассказать о распорядке детей, но они ответили, чтобы я спокойно завтракала, а с выполнением моих обязанностей еще можно подождать. После этого я окончательно расслабилась, стало очевидно, что ближайшее время мне не о чем волноваться и мои новые коллеги дружелюбные

и отзывчивые на сколько это возможно с характером Кати.

Максим Максимович тщательно размазывал по белому хлебу растаявшее масло. Он пил растворимый кофе и ел варенье из маленькой баночки. И то, и другое было поставлено для него Катей.

Катя села за стол последней, бросила в чашку шесть ку-сочков сахара и принялась тщательно размешивать, стуча ложкой, пока все крупинки не растворились полностью.

– В какой семье ты до этого работала, – спросила она у меня.

– Я никогда прежде не работала с детьми, только, когда практика была в институте.

– Первая работа, – прокомментировал Максим Максимович.

Пришлось рассказать, где я работала после института. Катя, как мне показалось, отнеслась к моему рассказу с недоверием, даже разозлилась. Василию было все равно, а Максим Максимович во время моего рассказа одобрительно покачивал головой, но совершенно явно делал это из вежливости и в целом остался равнодушен.

Когда я помогала Кате убирать со стола посуду, вошел Дмитрий. Он положил на еще влажный стол пачку денежных банкнот и сказал:

– Танюш, съезди сегодня с детьми в Москву, купи им что-нибудь из одежды, – тут Дмитрий заметил Максима Максимовича. – Отдохни сегодня, старик.

Меня покорило такое обращение, но Максима Максимовича оно ничуть не смутило. Он благодарно улыбнулся, одним махом выпил кофе и больше в этот день я его не видела.

– Давно пора, – прокомментировала Катя, глянув на деньги. – У них зимнего ничегошеньки нет.

Василий командным голосом заявил, что дает нам час на сборы. И прежде, чем я успела возразить хлопнул дверью.

– Ну, пошли деток будить, банкирша, – сказала Катя, усмехнувшись.

Она вытерла руки о фартук и зашагала наверх.

Еще накануне я заметила, что Катя раздражительна с детьми. Вчера я решила, что грубоватая манера общения только свойство ее характера. Но в это утро, переступив порог детской спальни, она превратилась в злую ведьму.

– Вставайте, бесята, – громко сказала она. – А, вот и наша грязноручка глаза продирает. Ну, что, Гришка, не обоссался сегодня?

– Екатерина Филипповна, займитесь завтраком для детей! Я сама их соберу.

В тот момент я не была уверена, что это я. Я никогда ни с кем так не говорила, чеканя каждое слово. Это произнес кто-то во мне, кто заставил не только замереть кухарку на полуслове, но испугать меня.

Катя пожалала плечами и вышла. Дети уже умывались и как будто ничего не заметили, а меня начало трясти. Я снова

и снова прокручивала фразу: «займитесь завтраком для детей». Первый раз в жизни я повысила голос.

Справившись с собой, я заглянула в ванную комнату и увидела, что дети, стоя каждый перед своей раковиной чистят зубы. Я заправила постель Милы и тут вспомнила об одежде. Один за другим я открыла встроенные шкафы, но увидела только коробки, в которых были футболки, шортики и платяца кукольного размера, наваленные кое-как. Возможно, когда-то одежда в коробках лежала ровными кучками, но кто-то видимо также, как и я перерыл их в поисках нужного размера. Наконец, открыв очередную створку, я увидела вешалки с несвежими джинсами подходящих по размеру Грише и пару платьев для большой куклы. Одно розовое с кучей лент и бантов, расшитое бисером, второе голубое из жесткой вискозы с пластиковой розой на поясе. Гриша и Мила, выйдя из ванной, направились напрямиком к этому шкафу. Гриша натянул джинсы, Мила потянулась за одним из кукольных платьев. По-моему, она хотела надеть розовое, но все-таки выбрала голубое.

– А где другая твоя одежда, Мила?

Мила открыла комодик в углу, там были белые колготки, которые девочки были маловаты и несколько белых маечек.

– Нашли одежду-то? – спросила Катя.

Она стояла в дверях и дружелюбно улыбалась. На секунду я подумала, что она начнет критиковать и грязные джинсы, и платье с розой, откроет шкаф, который я не заметила,

полный чистой, добротной одеждой. Но она как будто была вполне удовлетворена всем увиденным.

– А ботиночки я вот сюда прячу, – с этим словами, Катя сняла крышку с большой коробки в углу, где стояло две пары кроссовок.

Я спросила нет ли еще чего-нибудь.

– Нет, все остальное маловато, Наташка... – Катя замолчала. – Спускайтесь, сироты, а то остынет все.

Обращение «сироты» больно резануло мой слух, Катя обращалась к детям, а я отнесла эти слова и на свой счет. Кухарка вышла, а я постаралась помочь Миле с колготками. Поверх платья я надела на нее одну из толстовок Гриши. Гриша оделся сам. Мы уже пошли к лестнице, когда Мила заволновалась, вытащила свою ручку из моей и бросилась к кровати. Она разворошила, заправленную мною постель и осторожно подняла подушку.

Я услышала тихий восторженный вздох, когда она увидела свою обновленную куклу. Мила спрятала ее в грязном рюкзаке в виде панды и только после этого вернулась к нам, крепко сжимая ручку рюкзака в своей руке.

Когда мы вышли после завтрака во двор, Василий курил на крыльце, зло сплюнув, он заматерился. Мы собирались на полчаса дольше, чем он нам отвел.

– Извините, как ваше отчество?

– На кой?

– Я только хотела попросить вас в вежливой форме, не

выражаться и не плевать при детях, – ответила я.

– Что?! – Василий запыхтел, лицо его покраснело, но потом он как-то сдулся и уже весело, похлопав меня по плечу, назвал училкой и сел за руль.

Василий отвез нас в огромный торговый центр, где мы не сразу нашли детский магазин. Он дал мне номер своего сотового, мы договорились, что я позвоню, когда мы закончим. Еще в машине я пересчитала деньги. Их было немного, учитывая, что детям нужно было не только белье и повседневная одежда, но и верхняя. Оказалось, что кроме легких курток и резиновых сапожек у них ничего не было.

Я никогда не получала удовольствия от долгих прогулок по магазинам. Но в этот раз несмотря на то, что приходилось выгадывать каждый рубль, подбирая теплое платье и свитер для Милы и определяя размеры Гриши, я совершенно не утомилась. И, если бы не Мила, которая начала тоскливо поглядывать в сторону выхода, я бы еще не скоро отправилась к кассе. Вместе с продавцами я срезала бирки с нескольких вещей и сразу передела детей.

Прошло несколько часов после завтрака, и я решила, что прежде, чем отправляться в обратный путь, нам надо поесть. В понедельник, людей было немного. Поэтому особенно в глаза бросались дети, которые были похожи на обычных детей и на которых были совершенно не похожи мои подопечные. Гриша не тянул на свои девять лет, и Миле я не дала бы больше шести. Они делали все, о чем я их просила, и по-

что не проявляли интереса к происходящему. Я решила, что мы будем есть пиццу. Детей мне пришлось кормить на свои деньги, от тех, что дал Дмитрий, не осталось ни копейки. Ребенком я очень любила все блюда в приготовлении которых участвовало тесто, поэтому решила, что и Мила с Гришей не должны остаться равнодушными. Находясь в приподнятом настроении, я готова была разрешить купить какой-нибудь сладкой газированной воды или чего-нибудь еще из раздела нездоровое питание. Но дети с удовольствием ели то, что я выбрала и не просили ничего другого.

– А мороженое вы любите? – спросила я, догадываясь, что не стоит ожидать бури восторгов.

Гриша пожал плечами, Мила махнула головой точно также как до этого, когда я спросила нравится ли ей пицца. Про себя я назвала их маленькими старичками и заказала мороженное. Нам принесли по три разных шарика. Я, вероятно, здорово их напугала рассказом, что мороженное надо брать маленькими кусочками и есть очень осторожно, чтобы не заболело горло, потому что Мила замерла над своей вазочкой с ложкой, а Гриша крайне осторожно положил в рот маленький кусочек.

Я уже была не рада своей затее, подумалось вдруг о том, что у детей может быть какая-то болезнь или аллергия, о которой меня забыли предупредить, а я не додумалась спросить.

Вдруг Гриша заулыбался:

– У меня клубника, – сказал он и отломил кусочек от следующего шарика. – А это лимон. А это не знаю что.

Мила начала пробовать свои шарики и у нас началось что-то вроде игры. Мы пробовали шарики друг у друга. Мила не могла назвать ни одного вкуса и только перечисляла те продукты, название которых могла вспомнить, или повторяла за Гришей, я называла то, что не мог назвать Гриша. Гриша повторял за мной и рассказывал, что ему нравится больше всего.

Хорошее настроение сохранялось и в машине, когда мы ехали назад. Милу сморило, а Гриша рассуждал сколько он может съесть мороженого и каких еще видов оно может быть. Он даже спросил, ел ли когда-нибудь мороженое дядя Вася. И наш водитель начал посмеиваться и уверять, что в детстве съел его не меньше тонны и поэтому теперь у него вместо сердца огромная льдина. Но как только мы въехали в деревню и покатали по ее темным улицам, Гриша примолк.

Я начала переживать, что меня выбранят за долгую отлучку из дома, за то, что дети не пообедали по-домашнему. Но Катя только спросила надо ли подогреть что-нибудь, а отца детей я увидела только в конце недели. Оказалось, что будни он проводит в Москве, в своей квартире, а в Новые Колокольчики приезжает только на выходные и то не регулярно.

После возвращения мы вместе полдничали на кухне. Затем играли в детской, и к детям снова вернулось веселое настроение. Часов в семь нас позвали вниз, ужинать. Я уже по-

рядком устала. Внизу кроме детей, Кати и меня был еще Василий.

– Опять ты эту грязь с собой приволокла? – Катя встала руки в боки и строго уставилась на рюкзачок-панду Милы.

Мила не расставалась с ним с того момента, как утром положила туда куклу. Я заметила, что он все время был с ней рядом. Я бы с удовольствием купила ей новую сумочку, но, как я уже сказала, деньги Дмитрия быстро закончились.

Катя глянула на меня, руки ее опустились вниз и более миролюбивым тоном она посоветовала, обращаясь ко мне:

– Вы бы отучили ее эту дрянь с собой таскать, она ведь и в постель ее кладет, одни микробы.

Тем же вечером с разрешения Милы я постирала сумку-панду, кроме куклы, стеклянных бус и пудреницы с остатками пудры и треснутым зеркалом, в ней ничего не было. Пудра была дешевой, такие за копейки продают на каком-нибудь рыночном развале. Опять рассказ о Франции показался абсолютно не вписывающимся в то, что я вижу, но эта мысль тут же вылетела из головы. Утром сумка высохла и Мила сложила все свои сокровища назад.

На следующий день, когда дети занимались с Максимом Максимовичем, я решила навести порядок в шкафах с одеждой. Надо было расчистить место для новых покупок, сложить ненужное более компактно. Перекладывая вещи, я обратила внимание, что в отличие от розового и голубого платья Милы, которые я увидела накануне, все вещи в шка-

фах были дорогими, качественными и безумно красивыми. Кашемировые свитерочки, хлопковые платица. Вся одежда для девочки до двух лет, ничего, что мог бы носить Гриша я не нашла. На одной из полок я нашла красивую коробку с этикеткой на испанском. В ней лежала крестильная рубашечка с вышитыми белыми лилиями. Я не могла оторваться от красивой отделки. А, когда клала рубашечку обратно, заметила на дне коробки открытку с видом Барселоны. На открытке было написано: «Для нашей Лилички! Поздравляю!».

Мне вспомнились слова Сергея Александровича: «Никакой Лили нет...» и сказанное тем же вечером, когда я сидела за ширмой на лестнице: «Никакой опасности...»

Катя больше не приходила меня будить и стала говорить со мной на ты. При этом она скорее лучше стала ко мне относиться, чем раньше. Обращение на вы было возможно связано с тем, что она не знала, от кого я, а узнав, что я не являюсь ни знакомой Сергея Александровича, ни подружкой Дмитрия, она как бы теплее стала ко мне относиться.

Я перенесла подъем на семь тридцать утра, и сама стала готовить детям завтрак. Это было не мое решение, все складывалось само собой, что мыть полы в детской, стирать белье и гладить лучше выходило у меня. А Катя с удовольствием избавлялась от некоторых своих обязанностей.

После завтрака я выводила детей на полчаса из дома. Мы

гуляли вокруг него. Здесь была детская площадка с горкой и качелями, можно было висеть, забираться по лестнице вверх, висеть на кольцах, скатываться, перелизывать прятаться. Мы с Милой обычно большую часть времени качались на качелях. Основная прогулка у нас была после занятий. Между девятью и десятью утра их забирал Максим Максимович. Они занимались в большой светлой комнате на первом этаже, которая, вероятно раньше играла роль столовой. Чтобы детям удобно было сидеть за обеденным столом, на стулья им подкладывали подушки. Все это выглядело странно. Мне сложно представить родителей, которые, решив обучать детей дома и имея возможности Сергея Александровича, не позаботились бы о настоящей классной комнате со специальными столами, доской и прочими школьными атрибутами. Тем более, что все это можно было разместить в игровой комнате.

Во время занятий, которые продолжались до часу дня, я наводила порядок: разбирала детские вещи, игрушки, протирала пыль в наших комнатах или помогала Кате с обедом.

Обед обычно начинался полвторого. Все мы собирались на кухне, даже, когда Сергей Александрович оставался в Новых Колокольчиках. Ему и его жене обед накрывали в столовой, было заметно, что Илона, так ее звали, едва терпит детей. Но и Сергей Александрович не любил шум и детские разговоры его быстро утомляли.

Приблизительно в два часа Мила засыпала, а Гриша сидел

со мной, играл с машинками или что-то рисовал. В три часа, если погода была хорошей, мы выходили за ворота и шли к озеру. Дети не получали удовольствия от этой прогулки. Снег выпал только в декабре. Грязи не было, потому что ночью был минус, но темные деревья и черная земля наводили тоску. Дети вряд ли это чувствовали, скорее всего им хотелось вернуться в теплую детскую к игрушкам, а не брести по безлюдной дороге. Чтобы было веселее, я стала брать собаку, рассказывала им что-нибудь интересное, чтобы прогулка не была однообразной. В начале я боялась, что они на меня пожалуются Сергею Александровичу, я даже подготовила аргументы за прогулки на свежем воздухе, но потом поняла, что им и в голову не приходило, что я в зависимом положении и они считали меня даже не полноправным членом семьи, а скорее тем человеком, который обладает большими правами, чем есть у них.

Мне нравилось брести вдоль темного леса, особенно в ветренную погоду, когда верхушки раскачивались и поскрипывали. Темнеть стало все раньше и раньше, но в этом тоже была своя прелесть.

В четыре дети пили кефир или получали другой полдник и отправлялись в гостиную на очередное занятие с Максимом Максимовичем. Наверное, он уставал, и поэтому растягивал свои занятия на весь день. А может быть ему просто нравилось ужинать в нашей компании, как я узнала, он жил один. Около шести мы могли снова выйти на детскую пло-

щадку, пройти по двору, выпустить собак из вольера. Всего их было три, красивые доберманы. Собаки несмотря на породу, были очень дружелюбными.

Ближе к девяти, десяти часам вечера к дому приезжала машина. Это был Дмитрий. Екатерина Филипповна сказала, что он живет здесь временно из-за ремонта в своей квартире. Дмитрий выдавал деньги каждую неделю и обычно разговаривал только с Катей по поводу оплаты счетов и других домашних забот.

Кроме трех доберманов, у которых был большой вольер, в гараже жил кот Савелий. Мы его почти не видели. Первый раз я узнала о коте, увидев его сидящим на краю детской площадки. Я решила, что кот принадлежит кому-то из соседей, но Екатерина Филипповна рассказала, что раньше кот жил в доме, но у Илоны аллергия на животных, кота сослали в гараж. После этого он одичал. Перестал подходить к людям, надолго убежал.

А еще на одной из кухонных полок я нашла роман Шарлотты Бронте «Джен Эйр». Я почувствовала себя современной Джен Эйр. Я тоже гувернантка и сирота. Кто мой работодатель я узнала после того, как была принята на работу. Когда я дошла до места в романе, где мистер Рочестер упал с лошади, я вспомнила как упала, когда шла на собеседование и свалила Сергея Александровича. Помнится я даже отложила книгу, чтобы вспомнить эту сцену в деталях... Во всем я проводила параллели с романтическими героями, если вы-

давалось свободное время. Гувернантка и владелец замка с темным прошлым. Порой сил хватало только на полстраницы, бывало, что я перечитывала какую-нибудь главу, чтение двигалось медленно. В выходные дни Максим Максимович приходил только вечером – погулять с собаками. Это была обязанность Екатерины Филипповны и его.

Сергея Александровича я видела не часто. Обычно поздно вечером в пятницу. Если на выходные планировались гости, он мог приехать в четверг. Почему-то я решила, что он не женат на Илоне.

Как только я узнала, как ее зовут, я сразу провела аналогию с леди Ингрэм¹. Я не имею в виду, что строила матримониальные планы в отношении своего работодателя всерьез. Но мне нравилось фантазировать на эту тему. Например, играя с ребятами, я представляла, что Сергей Александрович увидел меня из окна и думает, что как же нам весело и хорошо и что непременно он должен к нам присоединиться. Он играет с нами в снежки, а затем предлагает сходить к озеру, а затем... затем Илоне необходимо срочно вернуться в Москву, и она уезжает, и мы вместе проводим вечер... Я могла пребывать в этих грезах в течение всего дня, я мысленно представляла наши диалоги, придумывала ситуации нас сталкивающие: снежную бурю, нападение на дом вооруженных людей в масках (безусловно каких-то преступни-

¹ Героиня романа «Джен Эйр». Мистер Рочестер, чтобы вызвать чувство ревности у Джен Эйр, делал вид, что собирается жениться на леди Ингрэм.

ков), смертельное ранение на охоте и другие маловероятные события. И везде я вела себя необыкновенно смело, героически, вызывая всеобщее восхищение. При любой возможности я бежала от реальности. Причина этого была не только в том, что будни были слишком однообразны. Это была присущая мне черта, смотреть на действительность, как на что-то нереальное и верить фантазиям так, будто они происходят на самом деле.

Джен Эйр любила подниматься на крышу и смотреть за горизонт, думая об иной жизни, а я искала иную жизнь в непроницаемой черноте леса, стоя вечером перед окном детской комнаты.

Илона была красивой девушкой, моей ровесницей, но это я узнала позже. Тогда мне казалось, что она старше. У нее было милое лицо, длинные волнистые волосы. Она смотрела на всех свысока. Если она с кем-то из нас заговаривала, то тон ее не допускал диалога, надо было только выслушать ее и сделать то, что она просит, вернее приказывает (повода просто поговорить у нее с нами не было). Она носила исключительно обтягивающие и сильно декольтированные вещи, платья и юбки мини. Весь ее гардероб состоял из черных вещей. За глаза Катя иногда, называла Илону Чертякой.

Илона поздно вставала, поэтому по выходным мы отправлялись к озеру сразу после завтрака, чтобы не шуметь во дворе. Меня никто не просил о тишине, просто проснувшись в первый выходной день в этом доме, я поняла, что дом спит.

Кроме Кати никто не поднялся, и я решила за благо уйти по-дальше и вволю бегать и скакать, кричать и шуметь, не думая кого-нибудь разбудить.

Илона не общалась ни с детьми, ни со мной. Интуиция мне подсказала, что детям и ей лучше не пересекаться, поэтому, если я ее и видела, то случайно в окно. Даже, когда Сергей Александрович был дома, дети – мои подопечные, проводили время со мной и Екатериной Филипповной на кухне, в детской, но ни с отцом. Он мог зайти после приезда в игровую комнату, где были дети или перед отъездом в воскресенье. По пятницам он спрашивал нравится ли им тетя Таня, а в воскресенье говорил что-нибудь банальное вроде, хорошо учитесь, слушайте взрослых и тому подобное. Мне очень хотелось как-то развить это общение. Но для этого надо было самой заговорить с Сергеем Александровичем, а я робела перед ним, как и его дети, которые за всю неделю ни разу не спрашивали скоро ли приедет отец. Катя и я были их самыми близкими людьми. Даже с Василием, которого они тоже видели не часто, они чувствовали себя свободнее, чем с отцом.

Первый месяц пролетел очень быстро, в очередную пятницу я стала думать о том, как мне попасть к тете. В этот день мы не ждали ни Дмитрия, ни Сергея с Илоной. Эти выходные они проводили где-то в другом месте. Анатолий не звонил, и я не знала, находится он сейчас в Новых Колокольчиках или нет. Мы договорились, что он будет отвозить ме-

ня к тете, поскольку сам на выходные тоже ездит к матери. В пятницу я сидела в игровой комнате, дети в это время были с Максимом Максимовичем и смотрела на сотовый, не решаясь позвонить Анатолию первой. Я видела его только дважды, и каждый раз он был чем-либо раздражен. В Новых Колокольчиках мы ни разу не встречались.

Вдруг в дверях появилась Екатерина Филипповна.

– Димка звонит, – сказала она, протягивая мне телефон.

Дмитрий звонил с просьбой, чтобы я присматривала за детьми и в эти выходные. Екатерина Филипповна попросилась уехать до понедельника к родственникам. В начале я растерялась. В голове крутилось: как же так, мы договаривались... меня ждут, я должна, без меня, тетя, она привыкла, я обещала. Но ни с одной из этих фраз, проносящихся в моей голове кометами, я не смогла составить ничего связного и согласилась. Только сказала: «да, конечно», и наблюдала, как Екатерина Филипповна, которая все это время стояла рядом, расплылась в улыбке, забрала телефон и ушла, больше мне ничего не сказав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.